

Международная конференция
"Женщина и свобода: пути выбора
в мире традиций и перемен"
Москва, 1-4 июня 1993

СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ, СЕМЕЙНАЯ ИДЕОЛОГИЯ И СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА

Анатолий Вишневский

Современная семья

Современная семья в широком и узком смысле.

Новейшие изменения - "второй демографический переход" (Дирк Ван де Каа и Рон Лестег).

Главные среди этих изменений:

- Новый тур снижения рождаемости;
- Сокращение числа зарегистрированных браков и рост числа свободных союзов и других форм совместной жизни;
- Рост числа разводов;
- Рост числа внебрачных рождений.

За всем этим стоят, конечно, изменения в индивидуальном жизненном цикле, особенно у женщин, которые все больше и больше втягиваются в оплачиваемую трудовую деятельность; в цикле формирования и распада семей, в котором все более заметным становится раннее отпочкование детей, и т.п.

Семейная идеология

Как относиться к происходящим с семьей переменам? Говорят ли они о необратимом кризисе, о распаде этого тысячелетнего института или речь идет о каких-то необычных мутациях, о его приспособлении к сильно изменившимся в XX столетии условиям человеческого бытия? Подрывают эти перемены целостность современных обществ или, напротив, укрепляют ее? На что должна быть нацелена семейная политика правительств: на торможение тех или иных сдвигов в "семейном" поведении людей и введение его в рамки привычных, веками выработанных норм или, напротив, на приспособление социальных норм и институтов к меняющемуся поведению?

Ответы Русселя:

Нельзя отрицать, что семья переживает "кризис". Но это не означает, что она больна, а означает, что она находится где-то между посередине между обесценившимся прошлым и неопределенным будущим. Наше общество меняется, и семья не может не меняться вместе с ним.

Разумеется, нельзя отрицать хорошо известных проблем, возникающих в связи с падением рождаемости, старением населения, нестабильностью брака, ростом числа свободных союзов и внебрачных рождений, большим числом искусственных абортов и т. п. Но не следует забывать и о другой чаше весов, на которую ложатся приобретения XX века: расширение свободы выбора для мужчины и женщины как в семейной, так и в социальной области, равенство партнеров, большие возможности контактов между поколениями, удовлетворения личных потребностей, самореализации.

Семья остается - и это ясно видно из опросов общественного мнения - высшей из всех ценностей, хотя она и ослабла за последние тридцать лет. Но любые планы возврата к моделям семьи первой половины столетия представляются по меньшей мере

нереалистичными. Условия жизни, а также запросы супругов коренным образом изменились и не имеют ничего общего с образом жизни, существовавшим 30 лет тому назад. В частности, невозможно представить себе, чтобы женщины отказались от регулирования рождаемости или от той независимости, которые они обретают посредством трудовой деятельности.

В настоящее время концепция семьи основана на самых современных взглядах на личную свободу как свободу, ограничиваемую только свободой других, на стремлении к наиболее полному удовлетворению личных потребностей и равенстве партнеров. Ни одна из этих идей не является лишь результатом следования моде: напротив, все они - выражение долгосрочного процесса. Маловероятно, чтобы общество отвергло эти основополагающие ценности (которые сейчас также являются семейными ценностями) в ближайшие 20 лет.

Да это и не нужно. Изменения в моделях семьи - следствие перемен к лучшему в социальной сфере, в частности, расширения возможностей выбора. Риски, которым подвергается семья, обусловлены не этими прогрессивными изменениями, а неполным ее приспособлением к социальным новшествам. В результате свободе индивида зачастую отдается предпочтение перед взаимной ответственностью и сплоченностью.

Позицию Русселя в отношении будущего семейных и демографических институтов можно охарактеризовать как осторожный оптимизм, и я в основном согласен с этой позицией. Я тоже полагаю, что если семья и переживает кризис, то это кризис не института семьи как такового, а кризис его старых форм, признак перехода к новым формам, возможно еще не вполне определившимся. И я могу лишь повторить вслед за Русселем: семья может стать даже более важной, чем полвека тому назад, но она никогда не станет прежней.

В то же время нельзя не видеть, что в оценках переживаемых семьей перемен существуют определенные различия, находящие отражение и в позициях правительств. Главная ось, вокруг которой группируются разные точки зрения, - это соотношение индивидуальных и коллективных интересов. Соответствуют ли перемены в массовом индивидуальном поведении людей их собственным коллективным интересам, требованиям солидарности на уровне семьи или всего общества, представителем и олицетворением которых выступает правительство любой страны? Ответы на этот вопрос, по существу, тождественны формулированию целей политики, позитивной, негативной или нейтральной по отношению к происходящим переменам. Они могут быть очень разными.

Семейная политика

Один из возможных ответов заключается в том, что все или некоторые перемены приводят к расхождению индивидуальных и коллективных интересов и правительства, в интересах самих же граждан, должны тормозить эти перемены, препятствовать им, потому что коллективные - общенациональные или общесемейные - интересы важнее индивидуальных, а правительства на то и существуют, чтобы охранять коллективные интересы.

Другой ответ заключается в том, что правительства, признавая себя представителями не только коллективных но и индивидуальных интересов своих граждан, ищут компромисса между теми и другими.

Еще один вариант ответа: семейная жизнь и демографическое воспроизводство - не та область, где могут существовать общенациональные интересы. Правительства вполне отвечают своему назначению, если они обеспечивают оборону страны, соблюдение законов или сохранение природы, частная же жизнь граждан, вопросы семейной солидарности находятся за пределами их компетенции.

Наконец, ответ может заключаться и в том, что долговременное расхождение индивидуальных и коллективных интересов в принципе невозможно, ибо коллективные интересы представляют собой в некотором роде сумму индивидуальных. В этом случае правительства, облегчая и поддерживая приобретающие массовый

характер перемены в индивидуальном поведении, приспособливая государственные институты к меняющимся отношениям, тем самым и отстаивают коллективные интересы самым эффективным образом.

Мне кажется, что объективный анализ перемен, а также опыт государственного вмешательства в демографические процессы подталкивает, пусть и с некоторыми оговорками, к этому последнему ответу. В Заявлениях же европейских правительств можно найти элементы всех означенных выше позиций.

Четыре главные темы доминируют в ответах правительств.

а) Изменение моделей семьи, семейного поведения и будущее семьи.

Практически все правительства в той или иной форме подчеркивают свою приверженность заботе о семье как одном из важнейших социальных институтов и более или менее единодушны в том, что должны способствовать улучшению социального положения семей и их членов. Тем не менее большинство из них уклонилось от прямого ответа на вопрос о том, как они представляют себе перспективы развития семьи в их странах. Правда, в ряде случаев косвенный ответ на этот вопрос вытекает из описания и оценки тенденций, наблюдаемых в настоящее время.

Правительства стран Западной и особенно Северной Европы, которые ранее других столкнулись с этими тенденциями, воспринимают их, как правило, без особого беспокойства. В Заявлении Финляндии говорится, что правительство занимает нейтральную позицию по отношению к типам семьи, выбираемым гражданами, в Заявлении Дании отмечается рост числа сожительства и внебрачных рождений, но утверждается, что это не обязательно порождает социальные проблемы. Правительства Германии и Швеции отмечают, что, несмотря на все перемены, брак и семья сохраняют свой высокий престиж, в Заявлении Германии подчеркивается что государство должно уважать различные взгляды на семейную жизнь, а в Заявлении Швеции говорится, что его не тревожит будущее шведской семьи. Соответственно и в целях семейной политики правительств в этих регионах просматриваются мотивы максимального социального инкорпорирования новых семейных форм и отношений, включения их в круг социально дозволенных и защищаемых государством (например, уравнивание юридических и фактических браков в правах, касающихся семейных пособий, в Бельгии).

В Южной и Восточной Европе перемены вызывают большую настороженность, иногда доходящую до их явного неодобрения (косвенно выраженного, например, в Заявлении правительства Польши, в котором говорится, что "несмотря на неблагоприятные внешние условия, польская семья демонстрирует значительную устойчивость по отношению к влияниям, столь типичным для современной Европы"). Подобная позиция также находит отражение в подходах к определению целей семейной политики. Так, по мнению Святейшего Престола, парам, сожительствующим вне брака, не должны предоставляться те же права, которые имеют супруги, заключившие должным образом оформленный брак. Швейцарское государство, как сказано в правительственном Заявлении, отказывается узаконить конкубинаж и поставить его в законодательном плане наравне с браком.

б) Сочетание семейных и профессиональных обязанностей и ролей, особенно женщинами.

Перемены в семейной сфере теснейшим образом связаны со все большим распространением профессионального, оплачиваемого труда женщин - одновременно и предпосылкой и результатом этих перемен. Профессиональные и связанные с ними интересы и ценности стали серьезным конкурентом семейных интересов и ценностей не только для мужчин, что всегда считалось как бы само собой разумеющимся, но и для женщин. Экономическое и социальное удовлетворение входит в число важнейших целей, к которым стремятся супруги, строящие свою совместную жизнь, наряду с эмоциональными или рекреационными целями. Судя по всему, множественность ориентаций привлекает людей прежде всего расширением свободы выбора, а тем самым и адаптационных возможностей личности на разных этапах каждой индивидуальной жизни.

В Заявлении Святейшего Престола содержится указание на наметившуюся в последние годы переоценку материнства как важного измерения женской идентичности. Возможно, имеются в виду перемены в Восточной Европе и особенно в бывшем СССР, где постепенно осознается, что занятость женщин в сфере оплачиваемого труда была чрезмерной. Но в целом для Европейского региона характерно нарастание вовлеченности женщин в профессиональный, оплачиваемый труд, он становится ценностью, конкурирующей с традиционными семейными ценностями, в том числе и с неоплачиваемым семейным трудом. Общество оказывается перед необходимостью создать институциональные рамки, которые отвечали бы этой новой ситуации. Большинство правительств осознают эту необходимость и декларируют свою приверженность политике, поддерживающей равные возможности мужчин и женщин во всех областях социальной жизни, и свое стремление создавать для этого необходимые условия. Степень единодушия правительств в ответе на этот вопрос больше, чем при ответах на другие вопросы, ни одно из правительств не выразило отрицательного отношения к совмещению женщиной оплачиваемого труда с семейными обязанностями и даже те из них, которые воздержались от прямого ответа на этот вопрос, при конкретном описании своей семейной политики обычно называют разнообразные меры, облегчающие такое сочетание.

в) Снижение рождаемости и его последствия.

Одно-двухдетные семьи и рождаемость, не обеспечивающая простого замещения поколений, практически стали общеевропейскими феноменами. При этом лишь немногие правительства (Швеции, в какой-то мере Великобритании) высказывают удовлетворение своим уровнем рождаемости. В подавляющем же большинстве случаев высказывается неудовлетворенность, которая связывается с двумя главными следствиями низкой рождаемости - сокращением естественного прироста населения вплоть до его превращения в отрицательный и особенно с демографическим старением.

При довольно большом единодушии в оценке ситуации, позиции правительств в отношении политики, направленной на ее изменение, существенно различаются. Эти позиции можно объединить в три группы. Две из них различаются почти полярно. Правительства ряда стран (Бельгии, Канады, Дании, Эстонии, Литвы, Норвегии, Нидерландов, России, Швеции, Швейцарии, Украины, Соединенного Королевства, США) определенно заявляют о своем отказе ставить какие-либо количественные цели, связанные с изменением уровня рождаемости или роста населения.

На другом полюсе - правительства, которые полагают, что они несут ответственность за повышение желаний родителей иметь детей и должно принимать меры в этом направлении (Греция, Венгрия, Израиль, Кипр, в какой-то мере Румыния и Латвия).

Наконец, имеется еще промежуточная группа стран: они либо не дают никакого ответа, либо дают уклончивый ответ, из которого следует, что главные цели проводимой ими семейной политики - социальные, качественные, но в какой-то мере они рассчитывают и на количественный эффект, то есть на некоторое повышение рождаемости. В этом отношении к ним примыкают и те правительства, которые открыто прокламируют отказ от проведения собственно демографической политики. Типично Заявление правительства Норвегии, в котором говорится, что оно не имеет четко сформулированной политики по контролю и стимулированию роста населения и признает свободный выбор лиц и семей в этой области, считая, что его результаты не представляют серьезных проблем для правительства. Одновременно отмечается, что в Норвегии существует общее согласие в том, что путь к повышенной или стабилизированной рождаемости идет через создание для обоих родителей лучших возможностей сочетания платной работы с работой по дому. Еще один пример - Заявление Германии, согласно которому семейная политика и меры, касающиеся семьи, имеют самостоятельное, независимое от демографических соображений значение, но может быть получен и демографический эффект, который был бы

желателен. К этой группе относятся даже Нидерланды - единственная страна, которая считает желательным сокращение численности населения. Но и она считает, что проводимая ею социальная политика должна расширить возможности сочетания родительства с другими сторонами жизнедеятельности людей и нейтрализовать негативное влияние социально-экономических условий на ценности родительства.

Таким образом, в правительственных заявлениях довольно явно просматривается синкретическое понимание целей семейной политики, рассчитанной одновременно и на укрепление семейных ценностей, и на улучшение экономического положения нуждающихся семей, и на облегчение сочетания профессиональных и семейных обязанностей женщин, и на стабилизацию или повышение рождаемости.

В соответствии с таким синкретизмом целей важное место в разделе правительственных Заявлений, посвященном проблемам рождаемости и семьи, занимает обычно перечисление мер, от которых можно ожидать, по мнению правительств, необходимого синкретического эффекта. Структура этих мер везде примерно одинакова. Они включают в себя разного рода семейные пособия и финансовые льготы, разнообразные возможности для дневного пребывания детей вне семьи, отпуска для родителей в связи с уходом за маленькими или больными детьми или другими нуждающимися в уходе членами семьи, большее приспособление режимов рабочего дня к нуждам семей, а также некоторые другие меры, варьирующие от страны к стране (например, включение времени ухода за детьми в стаж, учитываемый при начислении пенсии). В ряде случаев указывается на связь размера пособий и льгот или продолжительности предоставляемых отпусков с числом детей, что можно рассматривать как проявление демографической направленности этих мер, хотя такая связь может иметь и чисто социальные основания. Как правило, правительства указывают на свое стремление развивать и наращивать меры помощи семьям, некоторые из них (Израиль, Румыния, Россия, Украина), при этом подчеркивают, что в настоящее время их сдерживает ограниченность материальных ресурсов.

В то же время ни одно правительство не ответило на вопрос, каким образом оно оценивает влияние принимаемых им мер на развитие семьи. Между тем известно, что некоторые меры, не всегда приводя к достижению запланированных целей, могут вызвать побочный эффект. Например, некоторые меры, принимаемые с целью повышения рождаемости, могут, не дав этого результата, лишь затруднить доступ женщинам на рынок труда. Вообще неясно, на чем основаны надежды на демографический эффект принимаемых мер. В Заявлении Норвегии отмечается, что в 1984 г. правительственная комиссия рекомендовала меры по стабилизации рождаемости, указав при этом, что ни в одной из европейских стран не получено надежных доказательств действенности предложенных ею или любых других мер. О невозможности радикальных изменений тенденций рождаемости с помощью специальной политики говорится в Заявлении Бельгии. Тем не менее многие правительства увязывают принимаемые ими меры с ожиданием демографического эффекта, и даже в Проекте рекомендаций настоящей

г) Планирование семьи.

Эта тема, ввиду ее большей конкретности, занимает в общей проблематике семейной политики несколько особое место. Планирование семьи стало обычной практикой подавляющего большинства семей в европейских странах и главной непосредственной предпосылкой сближения уровней рождаемости в них. Тем не менее материальные, правовые и психологические условия регулирования деторождения в них далеко не одинаковы.

При определении самых общих целей политики, касающейся планирования семьи, наблюдается значительное единодушие. Здесь преобладает общая позиция, хорошо выраженная в заявлении Святейшего Престола, который "выступает за ответственное отношение к деторождению, основным элементом которого является ответственное планирование размеров семьи. Право принимать решения, касающиеся

промежутков между рождениями детей, принадлежит только супругам и никому другому. Супругам необходимо принимать свободные и ответственные решения с полным учетом их долга перед собой, своими уже рожденными детьми, семьей и обществом, в соответствии с объективными моральными нормами, а также их собственными культурными и религиозными традициями".

Основополагающее право супругов принимать решения в отношении числа и сроков рождения детей не оспаривается ни в одном правительственном заявлении. При этом распространение и применение противозачаточных средств, прерывание беременности и другие относящиеся к этой области вопросы, вероятно, так или иначе регулируются во всех странах. Тем не менее многие правительства в своих заявлениях обошли эти вопросы полным молчанием. Полученные же ответы на вопрос о нынешнем правовом статусе практики предупреждения беременности, абортов и стерилизации, а также о его изменениях свидетельствуют, что разными правительствами это право трактуется по-разному, и здесь диапазон различий, пожалуй, наиболее велик.

В Заявлении Святейшего Престола говорится, что он поддерживает использование естественных методов регулирования рождаемости и отвергает все формы искусственного аборта. Хотя ни одно из правительств, высказавшихся по этим вопросам, не выражает столь же категорической точки зрения, позиция некоторых из них, особенно в отношении аборта, по существу, близка к позиции Ватикана. Они ограничивают круг оснований, считающихся достаточными для производства аборта, и эти ограничения иногда даже усиливаются. Например, в Израиле возможное ухудшение условий жизни семьи уже не считается достаточным основанием, как это было до 1980 г., и аборт может быть разрешен только либо если женщина имеет возраст до 17 и старше 40 лет, либо в случае внебрачной беременности, инцеста или насилия, либо при угрозе рождения ребенка с генетическими дефектами, либо в случае опасности для здоровья или жизни матери. Тремя последними случаями ограничена возможность производства легального аборта в Испании, Португалии, с марта 1993 г. в Польше. Ограничения на производство аборта вводит Закон о защите эмбриональной жизни, принятый в 1992 г. в Венгрии. Готовится новое законодательство, подчеркивающее необходимость уважения жизни человека с момента его зачатия, в Чешской республике.

В то же время позиция ряда других правительств свидетельствует о быстрой либерализации законодательства их стран, касающегося методов регулирования числа и сроков рождения детей. Многие из них не признают никаких или почти никаких ограничений в этой области. Например, в Заявлении правительства Канады отмечается, что запрет на применение противозачаточных средств не существует с 1969 г., ограничения на производство абортов отменены в 1988 г., закон охраняет также право человека на добровольную стерилизацию. Об отсутствии запретов на добровольную стерилизацию говорится в Заявлениях Латвии, Соединенного Королевства (правда, с оговоркой в отношении Северной Ирландии), Украины, Швеции. Об отсутствии запретов на производство аборта в их странах (обычно при соблюдении определенных условий, касающихся сроков беременности, квалификации врача и т. п.) свидетельствуют Заявления Дании, Эстонии, Греции, Италии, Латвии, Норвегии, Румынии, России, Швеции, Швейцарии, Украины, Соединенного Королевства, США. В Нидерландах производство аборта официально не разрешено, однако допускаемые законом широкие исключения делают его практически свободным. В Заявлениях некоторых правительств (Италия, Норвегия) подчеркивается, что легализация абортов не привела к увеличению их числа. Еще большее число правительств подтверждает свободу контрацепции, некоторые из них (например, правительства Австрии, Нидерландов, Румынии) подчеркивают свое стремление активно содействовать информации населения о различных видах контрацепции и расширению их доступности.

В целом, несмотря на некоторое расхождение позиций по ряду вопросов, во взглядах большинства правительств Европейского региона на новейшие тенденции развития семьи и задачи семейной политики преобладает сходство, а не различия. Это и

не удивительно. Основные тенденции эволюции семьи носят, по меньшей мере, общеевропейский характер. В главном все страны движутся в одном направлении. Это сходство придает особую ценность коллективному опыту европейских стран (включая и отрицательный опыт ушедших в прошлое политических режимов), накапливавшемуся по мере того, как разные общества пытались ответить на вызов времени и приспособить свои социальные институты к новым демографическим и семейным реальностям.

Необходимо осмыслить этот опыт и нам. К сожалению, сейчас, как и прежде, есть люди, которым кажется, что Россия может идти по особому пути, в том числе и по особому пути развития семьи. Раньше источник этой "особости" видели в "социалистическом выборе", теперь - в давних общинно-семейных традициях и т. п. Впрочем, это тоже не особенно ново. Как писал Бердяев еще в начале века. "много раз пытались обосновать великие преимущества России перед Европой на том... основании, что у нас сохранились еще родственные общественные отношения, патриархальность земельного быта, т. е. на нашей социальной отсталости". И четверть века спустя, изгнанный из страны, в эмиграции он утверждал: "С формами семьи связана была тирания, еще более страшная, чем тирания, связанная с формами государства. Иерархически организованная, авторитарная семья истязает и калечит человеческую личность. И эмансипационное движение, направленное против таких форм семьи, ...есть борьба за достоинство человеческой личности..."

Я думаю, что нам ни при каких условиях не миновать того же пути развития семьи, по которому прошли все страны Западной Европы, и все поиски целей и методов семейной политики должны быть направлены не на то, чтобы избежать этого пути, а на то, чтобы облегчить его.